

К вопросу об оценке показаний подозреваемого, обвиняемого в российском уголовном процессе

© 2022

С.И. Вершинина, доктор юридических наук, доцент, директор Института права
И.Л. Вершинин, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: показания подозреваемого; показания обвиняемого; оценка показаний; принуждение к показаниям; участие защитника; недопустимость доказательств.

Аннотация: В статье критически оценивается сложившаяся в российском уголовном судопроизводстве практика, когда досудебные показания подозреваемого, обвиняемого помимо его воли включаются в доказательственную базу и используются при доказывании его виновности. Проанализировав факторы, влияющие на оценку показаний подозреваемого, обвиняемого, авторы подвергли критике установленный законом «двойной стандарт», применяемый при оценке показаний, полученных в присутствии защитника либо без его участия. Обосновано, что действующее правовое регулирование закрепляет различный объем процессуальных возможностей для защиты подсудимым своих интересов, обусловленный наличием или отсутствием защитника в досудебном производстве. Наибольший ущерб при защите интересов причиняется, как это ни парадоксально, тем подсудимым, которые пользовались помощью защитника в досудебном производстве. Изучив российскую и международную практику оценки показаний подозреваемого, обвиняемого и проанализировав действующее российское законодательство, авторы выявили существующие противоречия и обосновали необходимость совершенствования Уголовно-процессуального кодекса РФ в части исключения положений, допускающих использование не подтвержденных подсудимым показаний, данных в присутствии защитника. С учетом того, что основные споры возникают при оценке так называемых «признательных» показаний подозреваемых, обвиняемых, отдельное внимание уделено исследованию этой проблемы, в том числе в разрезе признаваемой в России научной концепции «плоды отравленного дерева». Выход из существующего противоречия авторы видят в нивелировании значимости показаний подозреваемого, обвиняемого в случаях, когда он не подтверждает их в судебном заседании, независимо от того, участвовал в допросе защитник или не участвовал.

ВВЕДЕНИЕ

В уголовно-процессуальной науке проблемы допустимости доказательств всегда находятся под пристальным вниманием ученых. Особое внимание уделяется вопросу допустимости первичных показаний подозреваемого, обвиняемого. В решениях этой проблемы представлены различные точки зрения – от исключения нормы, признающей показания недопустимым доказательством [1–3], до полного одобрения законодательной мысли и необходимости ее дальнейшего совершенствования в этом направлении [4; 5]. Придерживаясь мнения второй группы ученых, рассмотрим способы и направления дальнейшего совершенствования данного института с позиции соблюдения баланса в обеспечении прав и свобод человека и интересов общества.

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) к недопустимым доказательствам относятся показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде. Данное правило не распространяется на показания, полученные с участием защитника. Присутствие защитника на допросе в ходе предварительного расследования позволяет в дальнейшем судебном заседании, в случае отказа подсудимого от дачи показаний либо дачи противоречащих показаний, оглашать досудебные показания, при-

знавать их допустимым доказательством и учитывать при постановлении приговора по уголовному делу.

Если учесть, что при отказе от ранее данных показаний подсудимые, как правило, ссылаются на формальное участие защитника, вступившего в уголовное дело по назначению органа расследования, то следует отметить, что этическая сторона рассматриваемого вопроса отнюдь не безупречна: защитник выступает не как лицо, оказывающее помощь в защите от обвинения, а как помощник стороны обвинения, создающий условия для формирования доказательств обвинения. Наибольший перекос в защите интересов обвиняемого, подозреваемого наблюдается при допуске защитника в порядке назначения к лицу, заявляющему отказ от защитника. Получается, что первоначально органы расследования вопреки желанию обвиняемого вводят в уголовный процесс адвоката в качестве защитника, а затем суд признает полученные при участии защитника показания обвиняемого допустимым доказательством. При таком подходе создаются благоприятные условия для совершения должностными лицами процессуальных действий с нарушением требований закона, что ставит под сомнение допустимость полученных доказательств и нарушает права участников. Игнорирование законодателем данных проблем позволяет зарубежным криминологам утверждать, что эффективность российского судопроизводства увеличивается только за счет признания обвиняемыми своей вины [6]. В то же время для устранения обозначенных дефектов и исправления ситуации достаточно установить единый подход к оценке

досудебных показаний подозреваемого, обвиняемого независимо от участия или неучастия защитника.

Цель работы – определение дефектов уголовно-процессуальных норм, устанавливающих критерии оценки показаний подозреваемого, обвиняемого, данных в досудебном производстве, а также определяющих порядок использования показаний в доказывании вины подсудимого, и разработка на этой основе предложений по совершенствованию действующего законодательства.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основу исследования составляют общенаучные методы диалектического материализма, обуславливающие необходимость изучения социальных процессов в их развитии и взаимообусловленности. При определении эффективности правовых норм, регламентирующих порядок оценки показаний подозреваемого, обвиняемого, применялись частноправовые методы исследования, такие как сравнительное правоведение и формально-юридический метод. При работе с судебными актами использовались общепринятые юридические приемы, позволившие проанализировать более 100 судебных решений, обобщить полученные результаты и обосновать пути и способы совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Влияние защитника на допустимость показаний обвиняемого

В соответствии с ч. 2 ст. 46 УПК РФ, при задержании подозреваемого орган расследования в течение 24 часов обязан его допросить. Согласно ч. 1 ст. 173 УПК РФ обвиняемый подлежит допросу немедленно после предъявления ему обвинения. Как видно, первый допрос всегда проводится в ситуации психологического напряжения допрашиваемого. И, хотя перед допросом лицу разъясняются его процессуальные права, в том числе право давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении его подозрения или обвинения либо отказаться от их дачи, не каждый способен правильно оценить ситуацию и принять решение. Участие защитника на этом этапе направлено на то, чтобы помочь лицу определить свою позицию относительно возникшего подозрения или обвинения и выстроить линию защиты. Защитник ни прямо, ни косвенно не может участвовать в обвинении своего подзащитного.

Тем не менее в УПК РФ предусмотрены нормы, согласно которым показания подозреваемого, обвиняемого могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, только если они даны в присутствии защитника. На первый взгляд, действующее правовое регулирование мотивирует органы расследования допускать защитника к подозреваемому, обвиняемому, защищая тем самым последнего от незаконных методов воздействия. Однако на практике проявился противоположный эффект рассматриваемого явления: участие защитника стало не столько гарантией получения подозреваемым, обвиняемым квалифицированной юридической помощи, сколько гарантией последующего при-

знания допустимости доказательств, полученных стороной обвинения в досудебном производстве.

Доказательственное значение протокола допроса подозреваемого обвиняемого, как следует из положений п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, обусловлено двумя факторами: либо участием защитника, либо подтверждением данных показаний в суде. Такая модель правового регулирования допускает явное несоответствие объема правовой защиты интересов обвиняемого, обеспечивающей свою защиту самостоятельно, и обвиняемого, имеющего защитника. Обвиняемый, защищающий себя самостоятельно, находится в более выгодном положении: он вправе отказаться в суде от любых показаний, данных в ходе предварительного расследования, независимо от того, были допущены нарушения норм УПК РФ или нет. Это очень важная гарантия, позволяющая реализовать предусмотренное международными нормами право лица не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным¹. Для суда доказательственное значение приобретают только те показания, которые подсудимым не оспариваются либо которые были даны им в судебном заседании.

Принципиально иное положение у обвиняемого, интересы которого в досудебном производстве защищал адвокат. Полученные в ходе допроса с участием защитника показания подозреваемого, обвиняемого могут быть использованы и, как правило, используются в качестве доказательств по уголовному делу, несмотря на то, что подсудимый отказывается от этих показаний в судебном заседании. Заявляемые подсудимым доводы о том, что при даче показаний был нарушен процессуальный порядок, трудно доказуемы, если не зафиксированы следы нарушений. Правоприменительная практика исходит из того, что присутствие адвоката при допросе само по себе является гарантией соблюдения процессуального порядка. В уголовно-процессуальной науке также утвердилось мнение, что участие адвоката-защитника в следственных действиях исключает возможность получения показаний с использованием не процессуальных способов воздействия [7]. Поэтому при подтверждении факта участия защитника в ходе судебной проверки с участием сторон и отсутствии процессуальных нарушений суд примет решение о допустимости показаний обвиняемого, подозреваемого независимо от возражений подсудимого. При этом стоит отметить, что процедура проверки показаний подсудимого так и не получила надлежащего правового регулирования. Более того, эти вопросы остались вообще вне правового поля. Не случайно в уголовно-процессуальной науке высказано мнение, что проверка показаний обвиняемого «представляет особую проблему, не нашедшую своего разрешения на должном уровне ни в литературе, ни на практике» [8].

Признание участия адвоката в допросе обвиняемого, подозреваемого ключевым фактором, обуславливающим допустимость получаемых показаний, привело к тому, что органы расследования стали рассматривать присутствие защитника как обязательное условие в тех

¹ *Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН.*

случаях, когда есть вероятность, что допрашиваемый даст так называемые «признательные» показания. Объясняется это тем, что участие защитника при допросе подозреваемого автоматически снимает в дальнейшем судопроизводстве все вопросы о допустимости полученных показаний и их использовании для обоснования виновности лица. Именно этим можно объяснить заинтересованность следователя в привлечении к участию в допросе защитника, несмотря на отсутствие соответствующих ходатайств со стороны подозреваемого или обвиняемого, а иногда и вопреки его воле.

Правовым основанием для допуска защитника в производство по уголовному делу при отказе лица от защитника, является положение, предусмотренное ч. 2 ст. 52 УПК РФ, согласно которому «отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя и суда». В дальнейшем при отказе подсудимого от своих показаний, данных в ходе предварительного расследования, все силы и средства судебного доказывания направляются на то, чтобы обосновать законность и допустимость сведений, изложенных ранее в ходе допроса. Процедура введения досудебных показаний в судебное разбирательство устанавливается ст. 276 УПК РФ, предусматривающей порядок оглашения показаний подсудимого, данных при производстве предварительного расследования, при наличии существенных противоречий между досудебными и судебными показаниями либо при отказе от дачи показаний.

Сказанное порождает разумные сомнения относительно добросовестности участия защитника в защите прав и интересов подозреваемых и обвиняемых против их желания и корректности использования полученных при этом показаний в качестве доказательств обвинения. Полагаем, что законодатель не должен рассматривать участие защитника как условие, влияющее на допустимость показаний подозреваемого, обвиняемого вопреки его воле. Только подтверждение подсудимым данных ранее показаний, признание их в качестве доказательств может вызывать их допустимость и использование при постановлении приговора.

При исключении из закона роли защитника в допустимости показаний орган расследования будет заинтересован не в оформлении показаний как доказательства для суда, а в получении ориентирующей информации, используя которую можно сформировать достаточную совокупность доказательств обвинения. Каждый следователь, дознаватель должны понимать, что независимо от позиции подсудимого, от подтверждения или неподтверждения им данных ранее показаний сторона обвинения должна представить в суд достаточную совокупность доказательств для вынесения обоснованного и справедливого приговора.

Влияние подсудимого на допустимость собственных показаний

Второй фактор допустимости показаний подозреваемого, обвиняемого зависит от подсудимого и проявляется в подтверждении им в суде ранее данных показаний. Не подтвержденные подсудимым показания, полученные в отсутствие защитника, являются недопустимыми. Похожая норма, за исключением участия защитника, содержится в Федеральных правилах о доказательствах США, выделяющих отдельный перечень

доказательств, являющихся недопустимыми в связи с тем, что они направлены против обвиняемого, признавшего свою вину в совершении преступления (правило 410). Первым в перечне недопустимых доказательств указано «признание вины, от которого обвиняемый впоследствии отказался» [9, с. 41]. Недопустимым доказательством, согласно Федеральным правилам, является также любое заявление обвиняемого, касающееся признания вины либо отказа обвиняемого оспаривать предъявленное обвинение. Если обвиняемый участвовал в обсуждении сделки о признании вины, но сделка не была заключена, все сделанные им заявления также будут признаваться в суде недопустимым доказательством.

В российском законодательстве данные моменты не детализированы, однако смысл п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ понимается однозначно: в ситуации, когда показания получены без участия защитника, именно подсудимый решает вопрос об их использовании в доказывании. На наш взгляд, это не только разумный, но и гуманный шаг, сделанный законодателем в отношении лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Именно подсудимый должен принимать решение о возможности использования в суде данных им ранее показаний. При этом указанная мера несколько не умаляет и не ущемляет интересы общества и государства, так как согласно ч. 2 ст. 77 УПК РФ для обвинения лица в совершении преступления недостаточно только его признания – необходима совокупность других доказательств. Кстати, последнее законодательное предписание позволило отдельным ученым говорить о меньшей юридической силе показаний обвиняемого по сравнению с другими доказательствами [10].

Возникает вопрос, почему данное положение не применяется к показаниям подозреваемого, обвиняемого, полученным в присутствии защитника? Очевидно, что юридическая ценность участия защитника и подтверждение подсудимым показаний в суде, не сопоставимы. Это разнополярные факторы, не связанные напрямую друг с другом и не взаимозаменяемые. Участие защитника никоим образом не может повышать или понижать доказательственную ценность показаний обвиняемого, а подтверждение подсудимым своих показаний не может зависеть от вступления в уголовный процесс других участников. Логично и справедливо уравнивать всех подсудимых в процессуальном праве подтверждать либо не подтверждать ранее данные показания, вне связи с реализацией ими каких-либо процессуальных прав, в том числе права на участие защитника. Такое решение вопроса вполне логично, если учитывать, что допрос, как следует из постановления по знаменитому делу «Миранда против Аризоны», всегда носит принудительный характер².

Действительно, дача подозреваемым или обвиняемым показаний редко бывает добровольной и желанной, особенно в условиях угрозы или реального применения к ним задержания и заключения под стражу. Скрытая, или латентная, принудительность к даче

² *Предупреждение Миранды перед допросом под стражей // FindLaw for legal professionals.*
URL: <https://codes.findlaw.com/mt/title-46-criminal-procedure/mt-code-ann-sect-46-6-107.html>.

показаний характерна не только для российского судопроизводства. Из исследований американских ученых А.Е. Lerman, А.Л. Green, Р. Dominguez следует, что предварительное заключение под стражу является фактором, влияющим на результаты судебного разбирательства. Как установили авторы, подсудимые, в отношении которых применен досудебный арест, с гораздо большей вероятностью признают себя виновными при прочих равных условиях [11]. Основными причинами, побудившими соглашаться на признание вины, даже когда обвиняемые заявляли о своей невинности, является перспектива содержаться в антисанитарных и небезопасных условиях тюрьмы, а также негативные последствия для трудовой занятости и семейных отношений. Несколько иная ситуация описывается в научных исследованиях китайских ученых. Основная проблема «признательных» показаний в КНР заключается в том, что определенная часть таких показаний является результатом применения незаконных методов допроса [12], что порождает ложные признания вины и ставит перед учеными задачу по совершенствованию уголовного процесса.

Предоставление всем подсудимым права на подтверждение либо неподтверждение данных ранее показаний полностью исключает любые попытки недобросовестного ведения производства по уголовному делу. Реализация этого решения в уголовно-процессуальном законодательстве вызовет никчемность, бесплодность затраченных усилий недобросовестных правоохранителей, на что в свое время указывал В.М. Савицкий [13].

Еще одно «узкое» место в оценке показаний подозреваемого связано с проблемой тиражирования этого доказательства в другие виды доказательств, например показания обвиняемого, проверка показаний на месте, чтобы тем самым компенсировать отсутствие либо недостаточное количество обвинительных доказательств по делу. На указанную проблему ученые обращали внимание еще в период действия УПК РСФСР [14], однако до сих пор ситуация не изменилась: в соответствии с УПК РФ показания подозреваемого, показания обвиняемого, проверка показаний на месте и остальные виды доказательств, формируемые с участием подозреваемого или обвиняемого, рассматриваются законом в качестве самостоятельных доказательств, что позволяет учитывать их в общей совокупности обвинительных доказательств³. Поэтому, определяя пределы влияния подсудимого на допустимость досудебных доказательств, следует отметить, что право подсудимого подтверждать либо не подтверждать доказательства должно распространяться на все его объяснения и показания, полученные при допросе, очной ставке и т. д.

Нормы закона, регулирующие порядок производства допроса в ходе предварительного расследования, достаточно ясно раскрывают цель проводимого следственного действия – получение от лица информации по поводу имеющегося подозрения или обвинения с целью ее дальнейшей проверки. В криминалистической науке общепризнано, что содержание протокола допроса по-

дозреваемого, обвиняемого должно составлять максимально полное и детализированное изложение сведений об обстоятельствах совершенного преступления [15], сведений, на основании которых орган расследования планирует и проводит другие следственные действия, создавая тем самым доказательственную базу обвинения и делая ее достаточной для изобличения лица либо установления самоговора. Полученные при допросе сведения используются органом расследования не только для формирования обвинительной базы, но и для установления (подтверждения) непричастности лица к совершенному преступлению. И в том, и в другом случае показания обвиняемого выступают основанием для новых доказательств, получаемых уже без непосредственного участия подозреваемого, обвиняемого. Допустимость таких доказательств не может зависеть от позиции подсудимого, на них распространяются общие правила допустимости доказательств, обозначенные ч. 1 ст. 75 УПК РФ.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Научные и процессуальные дискуссии относительно оценки показаний подозреваемого, обвиняемого разворачиваются большей частью в отношении так называемых «признательных» показаний, данных в присутствии защитника, от которых подсудимый отказался в судебном заседании. Признание таких показаний допустимым доказательством на основании п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ означает, что они могут быть положены в основу приговора, устанавливая виновность лица в инкриминируемом преступлении.

Между тем о пагубности переоценки законодателем признания вины писал еще А.Я. Вышинский, которому незаслуженно⁴ приписывается авторство цитаты «Признание вины – царица доказательств»: «Нельзя признать правильными такую организацию и такое направление следствия, которые основную задачу видят в том, чтобы получить обязательно "признательные" объяснения обвиняемого. Такая организация следствия, при которой показания обвиняемого оказываются главными и – еще хуже – единственными устоями всего следствия, способна поставить под удар всё дело в случае изменения обвиняемым своих показаний или отказа от них» [16, с. 180].

К сожалению, следует констатировать, что для российского законодателя и, как следствие, для правоприменителя до сих пор очень важно получить от обвиняемого признание вины либо его суррогат – доказательство того, что подсудимый, будучи подозреваемым или обвиняемым, признавал себя виновным. Не случайно, если в судебном разбирательстве подсудимый не подтверждает данные ранее показания, в которых признавал свою вину в присутствии защитника, усилия судебной системы будут направлены на то, чтобы доказать, что когда-то он говорил обратное. Установленное в таком

³ Шевяков М. О царице доказательств в российском уголовном процессе // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/blog/2021/5/21/o_carice_dokazatelstv_v_rossijskom_ugolovnom_processe.

⁴ Нестеров В. Службы испорченных цитат: любимая «царица» прокурора Вышинского // Подумалось мне часом: канал на Яндекс Дзен. URL: https://zen.yandex.ru/media/vad_nes/slujba-isporchennyh-citat-liubimaia-carica-prokurora-vyshinskogo-5c99ffb923be200b35872d6.

порядке «признание» позволит суду использовать первичные показания подсудимого в качестве допустимых доказательств и положить их в основу обвинения наряду с другими доказательствами. Отмеченные признаки свидетельствуют о том, что российское правосудие остается ориентированным на наличие факта признания вины, что закономерно порождает со стороны органов расследования действия, направленные на получение такого признания и обеспечения его допустимости в качестве доказательства.

Вместе с тем в действующем уголовно-процессуальном праве России есть инструмент, нивелирующий значимость «признательных» показаний. В таком качестве выступает ч. 2 ст. 77 УПК РФ, предусматривающая, что «признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств». Основная мысль данного положения заключается в том, что независимо от наличия либо отсутствия признания обвиняемого для признания лица виновным в совершении преступления должна быть получена достаточная совокупность доказательств [17–19].

В связи с этим появляется закономерный вопрос: если виновность подсудимого в совершении преступления подтверждается достаточной совокупностью доказательств, помимо его показаний, с какой целью суд тратит значительное время и ресурсы для проверки и оценки досудебных показаний, от которых подсудимый отказался в судебном заседании? Анализ обвинительных приговоров подтверждает, что значительная часть судебного разбирательства посвящается исследованию и доказыванию допустимости данных ранее показаний подсудимых. Это тем более удивительно, что в изученных нами приговорах содержится достаточная совокупность доказательств обвинения, на основании которых суды делают вывод о виновности подсудимых.

Корень проблемы, как мы полагаем, заключается в следующем. «Признательные» показания подозреваемого, обвиняемого – одно из доказательств стороны обвинения. Получив признание лица в совершении преступления, орган расследования проводит и другие следственные действия, формируя новые доказательства, часть из которых основана на показаниях подозреваемого, обвиняемого [20]. В такой ситуации признание показаний подозреваемого или обвиняемого недопустимым доказательством ставит под угрозу другие доказательства, полученные на их основе, и в конечном итоге создает угрозу для осуществления правосудия.

Зависимость производных доказательств от показаний обвиняемого связана с широко известной в англосаксонском праве научной концепцией «плоды отравленного дерева», которая также признается значительным количеством российских ученых и правоприменителей, хотя и не нашла отражения в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве. Согласно этой концепции, доказательство, полученное с нарушением закона, является недопустимым; доказательства, полученные на его основе, также являются недопустимыми и не могут использоваться для доказывания виновности лица. Уже с первых дней применения УПК РФ российские ученые, ориентируясь на концепцию «плоды отравленного дерева», указывали на недопустимость ис-

пользования доказательств, полученных на основе сведений, сообщенных обвиняемым на допросе в отсутствие адвоката [21; 22], что предопределило характер правоприменительной деятельности и повысило значимость досудебных «признательных» показаний в оценке других доказательств. Однако такая точка зрения достаточно спорна.

Применение концепции «плоды отравленного дерева» к показаниям обвиняемого и производным от него доказательствам имеет определенные особенности. Наряду с общим основанием недопустимости доказательств – нарушением норм законодательства, составляющим суть концепции «плоды отравленного дерева», закон выделяет специальные основания признания доказательств недопустимыми, которые не связаны с нарушением законодательства. Это означает, по мнению К.И. Сутягина, что между общими и специальными основаниями недопустимости должны существовать различия в процедуре и последствиях признания, а также в применении доктрины «плоды отравленного дерева» [23]. Если ч. 1 ст. 75 УПК РФ, связанная с нарушениями закона, полностью поглощается рассматриваемой концепцией, то применение п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ находится за ее пределами, так как недопустимость доказательства не связана с какими-либо нарушениями. Соответственно, и последствия признания показаний обвиняемого недопустимыми по указанной норме не должны влиять на допустимость производных от них доказательств. Полагаем, что такая позиция вполне убедительна и должна быть воспринята законодателем.

Для реализации данного предложения требуется корректировка положений закона, предусматривающих обязанность органа расследования предупреждать подозреваемого (п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ), обвиняемого (п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ), что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу. Во-первых, следует исключить текст «в том числе при последующем отказе от этих показаний». Только подсудимый должен определять допустимость своих показаний и объяснений. Во-вторых, показания обвиняемого могут использоваться для получения других доказательств по уголовному делу; неподтверждение подсудимым своих досудебных показаний не может влиять на допустимость других доказательств, полученных из других источников в установленном порядке.

В качестве дополнительного аргумента приведем еще одно высказывание А.Я. Вышинского, которое полно и емко раскрывает значимость показаний обвиняемого: «Если другие обстоятельства, установленные по делу, *доказывают* виновность привлеченного к ответственности лица, то сознание этого лица теряет значение доказательства и в этом отношении становится излишним. Его значение в таком случае может свестись лишь к тому, чтобы явиться основанием для оценки тех или других нравственных качеств подсудимого, для понижения или усиления наказания, определяемого судом» [16, с. 177].

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

В сравнении с УПК РСФСР положения действующего УПК, определяющие критерии допустимости доказательств, – значительный шаг к построению гуманной

и справедливой процедуры оценки показаний подозреваемого, обвиняемого, который, к сожалению, решил проблему лишь частично. Рассмотренные нормы исключают показания подозреваемого, обвиняемого в качестве допустимого доказательства, если они получены в отсутствие защитника и не подтверждены им в суде, но оставляют вне действия данного правила показания, полученные с участием защитника. Для обеспечения единого подхода к оценке показаний подозреваемого, обвиняемого и создания условий для соблюдения ч. 2 ст. 77 УПК РФ, предусматривающей, что признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств, предлагаем:

1. Изменить п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ «Недопустимые доказательства» следующим образом: «К недопустимым доказательствам относятся: 1) любые показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде».

2. Изменить второе предложение п. 2 ч. 4 ст. 46 «Подозреваемый» УПК РФ следующим образом: «При согласии подозреваемого дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы для получения других доказательств по уголовному делу, а также в качестве доказательств по уголовному делу, за исключением случая, предусмотренного пунктом 1 части второй статьи 75 настоящего Кодекса».

3. Изменить второе предложение п. 3 ч. 4 ст. 47 «Обвиняемый» УПК РФ следующим образом: «При согласии обвиняемого дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы для получения других доказательств по уголовному делу, а также в качестве доказательств по уголовному делу, за исключением случая, предусмотренного пунктом 1 части второй статьи 75 настоящего Кодекса».

4. Изменить ч. 1 ст. 276 УПК РФ «Оглашение показаний подсудимого» следующим образом:

1. Оглашение показаний подсудимого, данных при производстве предварительного расследования, а также воспроизведение приложенных к протоколу допроса материалов фотографирования, аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки его показаний могут иметь место в следующих случаях:

1) по ходатайству подсудимого или защитника, если соблюдены требования пункта 3 части четвертой статьи 47 настоящего Кодекса;

2) по ходатайству сторон, когда уголовное дело рассматривается в отсутствие подсудимого в соответствии с частями четвертой и пятой статьи 247 настоящего Кодекса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кипнис Н.М. Допустимость доказательств по новому УПК // Возможности защиты в рамках нового УПК России: сборник трудов конференции. М.: ЛексЭст, 2003. С. 10–47.
- Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. 238 с.
- Козловский П.В. Отдельные аспекты недопустимости показаний подозреваемого и обвиняемого // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2012. № 1. С. 143–146.
- Лупинская П.А. Доказательственное право в УПК РФ // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового уголовно-процессуального кодекса РФ: сборник трудов конференции. М.: Профобразование, 2002. С. 81–83.
- Горбачев А. Признание обвиняемого – «особо убедительное доказательство»? // Российская юстиция. 2004. № 6. С. 38–40.
- Sung H.-E. Democracy and criminal justice in an inter-ethnic perspective: from fighting crime to due process. May 2006 // Annals of the American Academy of Political and Social Sciences. 2006. Vol. 605. № 1. P. 311–337. DOI: [10.1177/0002716206287546](https://doi.org/10.1177/0002716206287546).
- Арсенова Н.В. Допустимость показаний подозреваемого (обвиняемого), признающего свою вину в совершении преступления, в качестве доказательства по уголовному делу // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2014. № 2. С. 14–18.
- Перекрестов В.Н. Проблема обеспечения гарантий допустимости признательных показаний // Российская юстиция. 2009. № 8. С. 55–57.
- Щербаков С.В. Допустимость доказательств в американском уголовном доказательственном праве // Евразийский юридический журнал. 2010. № 1. С. 37–43.
- Трефилов А.А. Десять особенностей института доказывания в уголовном процессе Швейцарии: сравнительно-правовой анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 5. С. 110–115.
- Lerman A.E., Green A.L., Dominguez P. Pleading for Justice: Bullpen Therapy, Pre-Trial Detention, and Plea Bargains in American Courts // Crime & Delinquency. 2021. Vol. 68. № 2. P. 159–182. DOI: [10.1177/0011128721999339](https://doi.org/10.1177/0011128721999339).
- Davies M., Shen A. Questioning suspected offenders: The investigative interviewing process in the People's Republic of China // Criminology & Criminal Justice. 2010. Vol. 10. № 3. P. 243–259. DOI: [10.1177/1748895810370324](https://doi.org/10.1177/1748895810370324).
- Савицкий В.М. Перед судом присяжных: виновен или не виновен. М.: Серил, 1995. 91 с.
- Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж: Воронежский университет, 1995. 272 с.
- Руководство для следователей / под ред. В.В. Мозякова. М.: Экзамен, 2005. 912 с.
- Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М.: Юрическое издательство НКЮ СССР, 1941. 218 с.
- Лебедев Н.Ю., Степанов С.А. Значение и проблемы установления достоверности и достаточности доказательств в уголовном судопроизводстве // Алтайский юридический вестник. 2022. № 2. С. 115–119.
- Брянская Е.В., Лантух Э.В., Хлыстова Н.Б. Пределы доказывания и достаточность в свете концепции ключевых доказательств в уголовном судопроизводстве

- России // Сборник научных работ серии «Право». 2021. № 4. С. 215–227.
19. Сеницын А.А. Особенности оценки достаточности доказательств судом в стадии судебного разбирательства в первой инстанции по уголовным делам // Закон и право. 2019. № 7. С. 122–126.
 20. Николаева Т.А. Показания подозреваемого, обвиняемого как источник доказательств при осуществлении уголовного преследования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 3. С. 206–210.
 21. Лупинская П.А. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 5–8.
 22. Зубарев А.А. Институт недопустимых доказательств в уголовном процессе России // Научный портал МВД России. 2010. № 1. С. 39–43.
 23. Сутягин К.И. Применение доктрины «плодов отравленного дерева» при оценке допустимости доказательств требует корректировки // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 3. С. 56–59.
- #### REFERENCES
1. Kipnis N.M. Admissibility of evidence according to the new Code of Criminal Procedure. *Vozможности zashchity v ramkakh novogo UPK Rossii: sbornik trudov konferentsii*. Moscow, LeksEst Publ., 2003, pp. 10–47.
 2. Sheyfer S.A. *Dokazatelstva i dokazyvanie po ugovolnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and proof in criminal matters: problems of theory and legal regulation]. Moscow, Norma Publ., 2008. 238 p.
 3. Kozlovskiy P.V. Certain aspects of the admissibility of statements made by suspects and the accused. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2012, no. 1, pp. 143–146.
 4. Lupinskaya P.A. Law of evidence in the RF Code of Criminal Procedure. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy prinyatiyu novogo ugovolno-protsessualnogo kodeksa RF: sbornik trudov konferentsii*. Moscow, Profobrazovanie Publ., 2002, pp. 81–83.
 5. Gorbachev A. Admission of an accused – an “especially satisfactory evidence”? *Rossiyskaya yustitsiya*, 2004, no. 6, pp. 38–40.
 6. Sung H.-E. Democracy and criminal justice in an inter-ethnic perspective: from fighting crime to due process. *Annals of the American Academy of Political and Social Sciences*, 2006, vol. 605, no. 1, pp. 311–337. DOI: [10.1177/0002716206287546](https://doi.org/10.1177/0002716206287546).
 7. Arsenova N.V. The admissibility of evidence of a suspect (accused) admitting guilt in committing a crime as an evidence for a criminal case. *Vestnik Barnaulskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2014, no. 2, pp. 14–18.
 8. Perekrestov V.N. The problem of ensuring the confession admissibility. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2009, no. 8, pp. 55–57.
 9. Shcherbakov S.V. The admissibility of evidence in American criminal law of evidence. *Evrasiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2010, no. 1, pp. 37–43.
 10. Trefilov A.A. Top ten features of the evidence institute in Swiss criminal process: a comparative study. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 2017, no. 5, pp. 110–115.
 11. Lerman A.E., Green A.L., Dominguez P. Pleading for Justice: Bullpen Therapy, Pre-Trial Detention, and Plea Bargains in American Courts. *Crime & Delinquency*, 2021, vol. 68, no. 2, pp. 159–182. DOI: [10.1177/0011128721999339](https://doi.org/10.1177/0011128721999339).
 12. Davies M., Shen A. Questioning suspected offenders: The investigative interviewing process in the People’s Republic of China. *Criminology & Criminal Justice*, 2010, vol. 10, no. 3, pp. 243–259. DOI: [10.1177/1748895810370324](https://doi.org/10.1177/1748895810370324).
 13. Savitskiy V.M. *Pered sudom prisyzhnykh: vinoven ili ne vinoven* [Before the jury trial: guilty or not guilty]. Moscow, Serial Publ., 1995. 91 p.
 14. Kokorev L.D., Kuznetsov N.P. *Ugovolnyy protsess: dokazatelstva i dokazyvanie* [Criminal procedure: evidence and proof]. Voronezh, Voronezhskiy universitet Publ., 1995. 272 p.
 15. Mozyakov V.V., ed. *Rukovodstvo dlya sledovateley* [The guidance for crime investigators]. Moscow, Ekzamen Publ., 2005. 912 p.
 16. Vyshinskiy A.Ya. *Teoriya sudebnykh dokazatelstv v sovetском prave* [The theory of judicial evidence in the Soviet law]. Moscow, Yuridicheskoe izdatelstvo NKYu SSSR Publ., 1941. 218 p.
 17. Lebedev N.Yu., Stepanov S.A. Significance and problems of establishing the reliability and sufficiency of evidence in criminal proceedings. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik*, 2022, no. 2, pp. 115–119.
 18. Bryanskaya E.V., Lantukh E.V., Khlystova N.B. Limits of proof and sufficiency in the light of the concept of key evidence in criminal proceedings in Russia. *Sbornik nauchnykh работ serii “Pravo”*, 2021, no. 4, pp. 215–227.
 19. Sinitsyn A.A. Features of assessment of sufficiency of proofs by court at a stage of trial in the first instance on criminal cases. *Zakon i pravo*, 2019, no. 7, pp. 122–126.
 20. Nikolaeva T.A. Testimony of the suspect, the accused as a source of evidence in the implementation of criminal prosecution. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2020, no. 3, pp. 206–210.
 21. Lupinskaya P.A. Evidence and proof in the new criminal procedure. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2002, no. 7, pp. 5–8.
 22. Zubarev A.A. The institute of inadmissible evidence in the criminal process of Russia. *Nauchnyy portal MVD Rossii*, 2010, no. 1, pp. 39–43.
 23. Sutyagin K.I. Application of the fruit of the poisonous tree doctrine when evaluating the admissibility of evidence requires correction. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 3, pp. 56–59.

On the evaluation of evidence of a suspect, accused in the Russian criminal procedure

© 2022

S.I. Vershinina, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, the Director of the Institute of Law
I.L. Vershinin, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: suspect’s evidence; evidence of an accused; evidence evaluation; compulsion of evidence; participation of a defender; evidence inadmissibility.

Abstract: The paper critically evaluates the practice in the Russian criminal procedure when the pre-trial evidence of a suspect or accused beyond volition is included in the body of evidence and used when proving guilt. Having analyzed the factors influencing the estimation of evidence of a suspect or accused, the authors criticize the “double standard” established by law, which is used when evaluating evidence obtained in the presence of a defense lawyer or without one’s participation. The paper proves that the existing legal regulation enshrines different extent of procedural possibilities for the defense by an accused person of one’s interests defined by the presence or absence of a defense lawyer in the pre-trial procedure. Paradoxical as it may sound, when defending interests, the maximum damage is inflicted on those convicted who used the assistance of a defense lawyer during the pre-trial procedure. Having studied the Russian and international practice of evaluating the evidence of a suspect or accused and analyzed current Russian legislation, the authors identified the existing contradictions and proved the necessity to improve the Russian Federation Code of criminal procedure in terms of excluding the statements, which allow using the evidence not confirmed by an accused person given in the presence of a defender. Taking into account that the main disputes occur when evaluating so-called “admissions” of suspects or accused persons, the authors pay special attention to the study of this problem, including in the context of “the fruit of the poisonous tree” scientific doctrine recognized in Russia. The authors see the way out of the current contradiction in the leveling of the relevance of evidence of a suspect or accused in the cases when a suspect does not confirm it in court, regardless of whether a defender participated or not in an investigative interview.